

ВАДИМ КОЗИН
Ф-НО Д. АШКЕНАЗИ
ГРК 463

Вадим КОЗИН

Незабытое танго

РУССКИЕ НАСЛОВЫ

АСКОМ

Коллектив авторов
Яков Иосифович Гройсман
Максим Кравчинский
Вадим Козин: незабытое танго
Серия «Русские шансонье»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34340560

Вадим Козин. Незабытое танго. Нижний Новгород: Деком. – 2012. :

Деком; Нижний Новгород; 2012

ISBN 978-5-89533-278-8

Аннотация

Немногие из певцов советской эстрады в 30-40-е годы были столь же популярны, как Вадим Козин. Певец был кумиром публики, его буквально носили на руках, на концерты выстраивались огромные очереди, на пластинках стоял гриф «не подлежит переплавке».

Однако овации сменились допросами, концертные залы – лагерями, слава – молчанием. После отсидки последовали десятилетия добровольного изгнания в Магадане. Когда же в годы «перестройки» стена молчания вокруг имени певца была сломлена, начали появляться публикации, посвященные пропавшему, но не забытому кумиру. Многие из них носили спекулятивный и откровенно скандальный характер,

усугублявшийся тем, что Вадим Козин сам зачастую создавал и распространял легенды о своей биографии.

Издательство ДЕКОМ постаралось создать объективную и достоверную книгу о жизни знаменитого певца, свободную от домыслов. В нее вошли воспоминания магаданского журналиста А. Мазуренко, который много лет был знаком с Козиным, основателя Фонда памяти В. Козина – А. Костырина, автора книг о деятелях русской эстрады А. Гиммерверта, а также других людей, знавших «опального Орфея».

Компакт-диск прилагается только к печатному изданию.

Содержание

Диалог-предисловие составителей	7
Вадим Козин – хроника жизни и творчества	12
Глава 1	15
Знакомство с Козиным	15
«...Все мы вышли из детства»	22
Начало пути (1924–1941)	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Вадим Козин.
Незабытое танго
Автор-составитель
Максим Кравчинский

Авторы:

А. Гиммерверт, И. Дорогой, А. Костырин, А. Мазуренко,
Э. Поляновский

Диалог-предисловие составителей

Яков Гройсман: Книга о Вадиме Козине, которую вы держите в руках, – ответ на запросы наших читателей. Загадки в судьбе певца, тайны жизни до сих пор волнуют поклонников его таланта. Мы сделали попытку собрать под одной обложкой воспоминания людей, встречавшихся с Опальным Орфеем и в годы его триумфа, и в годы официального забвения. Книгой одновременно занималась и редакция «Декома», и наш постоянный автор, редактор серии «Русские шансонье» Максим Кравчинский. Максим, расскажите, как шла у вас подготовка книги.

Максим Кравчинский: Летом 2011 года я начал собирать информацию для книги и параллельно готовился к съемкам фильма о Вадиме Козине, выискивая на просторах Интернета людей, способных интересно рассказать о своих встречах с певцом. Мне удалось обнаружить страницу созданного в 1996 году «Фонда памяти Вадима Козина» в городе Владимире. Его создатель – Анатолий Николаевич Костырин, сразу, без лишних слов, понял мою просьбу и пригласил приехать во Владимир. Фонд располагался в квартире Костырина: большая часть обширного пространства гостиной и кабинет самого хозяина было отдано материалам, посвященным Вадиму Козину. Книги, пластинки, плакаты, фотографии, буклеты, компакт-диски... Костырин коротко

поведал о своей долгой работе «на Северах», о почти случайной встрече с маэстро и о последовавших долгих годах дружбы и общения.

Я. Г.: Вклад Анатолия Николаевича в создание этой книги, без сомнений, очень большой. Козин записывал все, что происходило с ним: свои наблюдения, погоду и пр., клеивал вырезки из газет и писал комментарии по поводу происшедшего. К сожалению, большинство этих материалов утеряно. Тем, что удалось сохранить, Анатолий Николаевич поделился с нами. Кроме того, он предоставил также свои воспоминания, газетные вырезки, фотографии, иллюстративные материалы. Однако это только часть книги. И не самая большая.

М. К.: Да, в книгу также вошли исследования о жизни певца, которые были опубликованы раньше. Они увидели свет много лет назад на Колыме и до Большой земли, практически, не добрались. Мы решили подарить их читателю. Условно книгу можно поделить на две части: каноническая и альтернативная. Основу канонической части составили материалы из повести магаданского журналиста Алексея Мазуренко «Серпантин судьбы». Авторский текст здесь перемежается отступлениями: слово передается либо самому Козину, либо друзьям артиста, его поклонникам или просто свидетелям эпохи. В эту часть также включены материалы очерка «Певец» Эдвина Поляновского.

Я. Г.: Мы со своей стороны дополнили первую часть кни-

ги воспоминаниями о встречах с артистом нашего давнего автора А. А. Гиммерверта. Работая журналистом на телевидении, он ездил в Магадан специально для встречи с В. А. Козиныным.

М. К.: Во второй, альтернативной, части книги читатель найдет материалы многолетних изысканий магаданского ученого Игоря Дорогого. Эта информация вовсе не призвана развенчать то, что было сказано ранее, или бросить тень на имя гениального Певца, как может показаться некоторым любителям сенсаций. Отнюдь. Это необходимые дополнения для того, чтобы читатель сам смог создать образ Певца, посмотрев на его жизнь под разными углами. А что до мифов, загадок и легенд, продолжающих окутывать имя нашего героя, то что ж... Он был не первым и далеко не последним среди артистов эстрады, которые ищут всякие способы увеличения своей популярности у зрителей.

Я. Г.: В конце 1954 года, когда я работал в Башкирии, мне удалось побывать на концерте маэстро в клубе нефтяников города Черниковска под Уфой. Должен сказать, что концерт был замечательный.

Уверены, что наша новая книга будет благосклонна принята читателями. Хоть авторы-составители и не дали себе труда сделать свой вывод относительно образа Козина, оставив эту работу читателю. Возможно, голос певца, звучащий на прилагаемом к изданию диске, его песни также внесут свою лепту в создание этого образа.

Freeman

Вадим Козин – хроника жизни и творчества

21 марта 1903 – (по версии самого певца) или 1905 г. (согласно метрической справке) в Санкт-Петербурге родился Вадим Козин. Родители – Алексей Гаврилович Козин и Вера Владимировна Ильинская.

1923 – смерть отца, А. Г. Козина. Вадим Козин оканчивает школу, работает грузчиком в порту, вечерами играет на рояле в кинотеатрах, сопровождая немые фильмы.

1924 – поступает по конкурсу певцом в Ленинградское посредническое бюро Дома политпросвета. Занимается в хоровом кружке ленинградского Монетного двора.

21 декабря 1924 – первое выступление на эстраде.

1925–1936 – выступает на различных сценах Ленинграда, гастрوليрует по городам страны, где пользуется неизменным успехом. С 1931 г. – артист Ленгорэстрады.

Сентябрь 1936 – переезд в Москву. Первый концерт в ЦПКО им. Горького.

1936–1941 – успешные выступления в Москве, гастроль по южным городам СССР, запись на грампластинки. В репертуаре В. Козина – русские народные песни, старинные романсы и собственные произведения (с 1925 по 1941 г. В. Козиным создано 32 песни).

1941–1944 – участие в культбригаде, выступления перед бойцами на фронтах Великой Отечественной войны, концерты в госпиталях.

Май 1944 – арест, осуждение особым совещанием НКВД по 121-й статье УК СССР сроком на 8 лет.

1945–1950 – отбывает срок на Колыме, работает в Магаданском музыкально-драматическом театре вместе с другими артистами – заключенными Колымалага.

1950 – освобожден досрочно «за хорошую работу и примерное поведение».

Сентябрь 1950–1953 – руководитель ансамбля песни и пляски Восточно-Сибирского округа им. Дзержинского.

1954 – заведующий клубом в транзитном городке, затем библиотекарь в Магаданской областной библиотеке.

1955–1959 – артист Магаданского областного музыкального драматического театра им. Горького. Концертные туры по Сибири, Уралу и Дальнему Востоку, затем по европейской части России.

Осень 1959 – вторичный арест в Хабаровске, осуждение сроком на два года по той же статье.

Май 1961 – В. А. Козин освобожден условно-досрочно.

1961–1965 – снова работает в Магаданском областном театре.

1965 – В. А. Козин выходит на пенсию. Он остается жить в Магадане, выступает с концертами.

1985–1988 – фирмой «Мелодия» выпущены три диска-ги-

ганта с песнями из довоенного репертуара Козина. Возращение интереса к творчеству певца. Козина посещают в Магадане популярные артисты и журналисты, на ТВ появляются интервью с певцом.

1993 – фирма «Отава» (СПб.) выпускает два диска с магнитофонных записей, сделанных В. А. Козиным в домашних условиях.

Март 1993 – к юбилею певца по инициативе Иосифа Кобзона открыт «Салон Вадима Козина». Однако сам юбиляр на открытии не присутствовал.

1994 – фирма «Мелодия» выпускает CD «Вадим Козин. Я люблю вас так безумно...»

19 декабря 1994 – скончался в Магаданской областной больнице.

Глава 1

«Внук» Вари Паниной

Знакомство с Козиным

Мы знакомы с Вадимом Алексеевичем Козиным более двадцати лет. Мне часто приходилось беседовать с ним наедине, слушать его в различных компаниях, на встречах с поклонниками, на концертах. Так вот, все эти двадцать лет он говорит одно и то же. Вне зависимости от аудитории, каверзости вопросов и ухищрений собеседников, среди которых зачастую бывают и профессионалы диалога – журналисты, актеры.

Летом 1971 года мне довелось попасть в «келью Козина». Привел меня туда незабвенный Аба Лайман, администратор театра, верный Лепорелло Вадима Алексеевича. Аба был импозантен до невозможности и являл собой классический тип театрального администратора, каких нынче уже не встретишь. Увы, ушел из жизни и Аба... Но тогда он был еще полон сил, темперамент его не знал предела, а здоровое нахальство и колоссальные связи обеспечивали заранее успех любого безнадежного предприятия. Зная мои библиофильские наклонности, Аба позвонил как-то: «Знаешь, Вадик чи-

стит библиотеку, заходи – посмотришь!» Без восклицательных знаков он разговаривать не умел. Я застеснялся, зная, что Козин капризен в смысле посещений полужнакомых людей. Аба предложил идти вместе.

Журналисты магаданского радио В. Михайлин, А. Мазуренко готовят передачу «Опальный Орфей»

Вадим Алексеевич живет как раз напротив театра, о чем и заявлено в его шутильной песенке: «Я живу в квартире номер девять, Школьный переулок, дом один». И вот мы поднимаемся, звоним.

«Кто там?» – вопрос задан капризным, очень недовольным голосом, на высокой, почти пронзительной ноте.

«Вадинышка, Вадинышка, это – я», – замяукал в ответ Аба.

«Абочка!» – разительно изменился голос за дверью, теперь он звучал ласково и нежно. Дверь распахнулась, на по-

роге стоял маэстро, у его ног заняли оборонительно-атакующую позицию два роскошных кота. Как потом выяснилось, один из них был все-таки кошкой.

И вот мы в квартире, и мне сразу стало понятно, почему это жилище прозвали «кельей». Малюсенькая однокомнатная «хрущевка» вместила пианино, студийный магнитофон, обеденный и письменный столы, тахту и – от пола до потолка по всему периметру квартиры, даже в кухне и прихожей – стеллажи с книгами. Повернуться было практически негде, можно было только сидеть вокруг стола, что мы тут же и сделали – расселись. Я потом всегда удивлялся вместимости этой квартиры, когда к Вадиму Алексеевичу приходили в гости и пятнадцать, и двадцать человек и все каким-то образом размещались – мистика!

Вадим Алексеевич вспомнил, что нас познакомил главный режиссер театра В. Левиновский, а когда узнал, что именно я автор тех несчастных тридцати строчек в молодежной газете о его выступлении на встрече с интеллигенцией города, из-за которых пострадал наш редактор, буквально расцвел: «Знаете, обо мне уже давно ничего не пишут. И по радио не дают петь. И концертов, выступлений совсем мало, почти ничего. Вы не подумайте, я не в претензии, просто обидно. А раньше, ах, раньше... Да я вам покажу». Достал папку с газетными вырезками, и – о чудо! – сверху лежали мои жалкие тридцать строчек!

Уголок квартиры Козина

А какие там были рецензии!

Я приведу некоторые из них в свое время. А пока разговор перешел на книги.

«Меня вдруг в ВТО¹ вспомнили, – кокетничал Козин, ибо никто его не забывал. – Дали несколько подписок.

А у меня эти авторы уже были в старых изданиях. Решил кое-что продать. Посмотрите, у меня здесь отложено».

¹ Всероссийское театральное общество.

Я увидел десяти томник Достоевского, знаменитое издание времен хрущевской «оттепели». Я наизусть помнил выходные данные: Издательство «Художественная литература», 1957 год. Тираж 300 000 экземпляров. Общая редакция Л. Гроссмана, В. Ермилова и т. д. Короче, мечта библиофила!

– Вадим Алексеевич, Достоевского продаете?

– Продаю, вот у меня новая подписка, на четырнадцатитомник.

– Я возьму?

– Сделайте одолжение, не в букинистику же тащить...

– И сколько? – вопрос для меня тогда не праздный.

– Да что там – сколько? Я же не из-за денег. Издание старое, сколько там в букинистике за него дадут? Ну, по рублю за том. Всего десять рублей. Да мне и брать с вас неудобно. Вот вы про меня написали. Берите так!

Я ушам своим не верил!

Мое изумление было, как говорится, налицо, потому что Вадим Алексеевич начал уговаривать меня взять книги бесплатно, даже веревочку – перевязать – нашел. Я же пытался все-таки всунуть ему червонец. Выход из положения, как всегда, нашел Аба: «Покупку, а заодно и знакомство надо обмыть! И будет ни тебе, ни тебе, а всем нам вместе! Что будет? Хорошо будет!»

Аба был изумительным, от бога, кулинаром. Торжественный обед в честь знакомства и обоюдовыгодной сделки про-

шел, выражаясь высоким протокольным штилем, в непри-
нужденной дружеской обстановке. На прощание я получил
приглашение заходить запросто... но предварительно позво-
нив!

Я далеко не сразу осознал ценность моего приобретения.
Поначалу я увлекся чисто внешней атрибутикой.

Ведь книги были с экслибрисом знаменитого артиста:
в белом прямоугольнике черный кот разматывает клубок! И
надпись: «Из книг Вадима Козина». На фронтисписе тоже
надпись: «Магадан. 28/111 57». И энергичная подпись: «В.
Козин». Автограф.

А то, что книги вдоль и поперек исчерканы разноцветны-
ми чернилами и пестрят заметками на полях, меня даже по-
началу раздражило. И только годы спустя до меня вдруг до-
шло, что подчеркивания и заметки на полях и есть главное
достоинство (разумеется, кроме самого Достоевского) этого
издания. Ведь великого писателя читал великий артист. И
как читал! Сегодня так не читают... Козин изучал, штудиро-
вал Достоевского, анализировал и, наконец, примерял мыс-
ли и пророчества титана мировой литературы к собственной
жизни, к собственным раздумьям о смысле бытия. Я понял,
что у меня в руках оказался путеводитель человеческой судь-
бы. И когда начала оформляться идея написания этой пове-
сти, я и спросил у Козина разрешения пользоваться его за-
метками на полях. «Я ни от кого не скрываю свои архивы, —
ответил Вадим Алексеевич. — Жаль, что мало ими интересу-

ются. Пользуйтесь на здоровье. Мне и самому интересно, что я там наподчеркивал, ведь давно это было, я уж и не помню... Впрочем, возьмите “Братьев Карамазовых”. Любимая моя вещь... А почему любимая – попробуйте понять!»

Итак, семья, истоки, корни.

«...Все мы вышли из детства»

Жизнь Вадима Козина овеяна легендами. И первая из них – дата рождения. В паспорте у него записано: «Число, месяц, год рождения – 21 марта 1906 года, место рождения – Петербург». Вадим Алексеевич же настаивает, что родился тремя годами раньше, а возраст убавила ему мама, чтобы иметь возможность подольше получать детскую (льготную) продовольственную карточку: «Такое тогда было возможно, в моей семье есть тому подтверждение. Моей бабушке не хотелось быть “из того века”, и знакомый секретарь сельсовета запросто переделал ей год рождения с 1899-го на 1901-й». Козин к тому же никогда не отличался богатырским телосложением и всегда выглядел гораздо моложе своих лет.

Вера Владимировна Ильинская, мать Вадима Алексеевича

♦ **Вадим Козин:**

— Мать моя по национальности цыганка. Моя бабушка пела, мать моя пела. Правда, дедушка с материнской стороны, он тоже цыган был, никогда не пел, он был так называемым барышником.

Кто это, знаете? У него были табуны лошадей, он торговал

лошадьми. А двоюродной сестрой бабушки – моей бабушкой, выходит, – была цыганская певица Варвара Васильевна Васильева.

Настоящая ее фамилия Васильева, а знали-то все ее как Панину, из-за этого много было недоразумений.

Вера Ильинская-Козина, 1937 г.

Голос-то ее, «черный бархат», был настолько изумителен, что самому Шаляпину говорили: ты пойди, послушай, поучись. И ходил, слушал, учился Федор Иванович! А ведь тетя Варя, так я ее называл (она не хотела быть бабушкой), была неграмотной! Она крестики ставила, когда надо было расписаться. Но – голос, голос! Настоящее глубокое контральто. Великий был голос. Но я ей не подражал. Не подражал

и Вяльцевой. «Несравненная» – так мы называли тетю Настю. Что ж поделать, и Вяльцева для меня была тогда тетей. Она регулярно посещала нас, не забывая принести кулек со сладостями для Димочки (это меня тогда так называли) и других малышей. Я помню этот голос, этот потрясающий запах и блистание, исходящие от тети Насти. И – ласку, ласку, ласку. Забытое слово...

Из театральной энциклопедии:

«Панина (девичья фамилия – *Васильева*) **Варвара Васильевна** (1872–1911) – русская эстрадная певица (контральто). В 1886 году вступила в цыганский хор под управлением Ф. И. Соколова, затем пела в других хорах в Петербурге, Харькове, Киеве, Москве. В 1892–1902 годах возглавляла московский хор цыган. С 1902 года вела концертную деятельность. Обладала мягким низким контральто. Исполнительская манера отличалась глубоким драматизмом, эмоциональной выразительностью при внешней сдержанности поведения. В пении Паниной декламационность сочеталась с широкой кантиленой. В репертуаре певицы были цыганские романсы, русские песни и романсы, при исполнении которых Панина давала индивидуальную мелодическую импровизацию напева».

«Вяльцева Анастасия Дмитриевна (1871–1913) – русская артистка эстрады и оперетты, исполнительница цыганских романсов. Пению обучалась в Петербурге. Сценическую деятельность начала в 1887 году в Киевской балетной труппе. С 1887 года начала выступать на концертной эстраде как исполнительница цыганских романсов. Обладала голосом красивого грудного тембра и хорошими сценическими данными. Продолжила и развила традиции исполнения, идущие от В. Зориной и В. Паниной».

Анастасия Вяльцева

♦ Вадим Козин:

– Дедушка по отцовской линии был крепостным графа Шереметьева. Но в знаменитый крепостной театр не попал, это я служил в крепостном театре уже при советской власти. А он платил оброк, работая офеней. Знаете, что это такое? Это бродячий торговец, продававший по деревням мануфактуру, галантерею, книжки, иконы. Другими словами – коробейник. Дедушка сколотил деньжат, выкупился у графа на волю и за сто рублей купил участок земли в Петербурге. Он был очень разворотливым человеком: заложив участок, на вырученные деньги стал строить дом. Построил первый этаж – сдал его в аренду, рассчитался с кредиторами и стал надстраивать второй этаж. В конце концов построил дом, который и до сих пор стоит! По торговой линии пошел поначалу и мой отец Алексей Гаврилович. Смолоду развозил по деревням галантерею, бижутерию. Потом дедушка послал его учиться в Париж. Отец выучился на бухгалтера и с торговлей «завязал», поступив на службу в петербургское отделение банка «Лионский кредит». Банк располагался как раз напротив Казанского собора. Там рядом еще компания «Зингер» машинки продавала, был книжный магазин, дом с шаром-глобусом.

Гавриил Васильевич Козин, дед Наталия Никитична Козина, бабушка

Я, конечно, свидетельствовать не могу, но не раз слышал, что покучивал мой отец. Ну, а где кутеж, там и цыгане. Ездил он в Новую Деревню, там и маму увидел, оттуда ее и взял. Вот, видите, фотография моей мамы. Она и на цыганку не очень-то похожа. И дедушка – тоже, он был светловолосый, совсем блондин, можно сказать.

Семья цыган Ильинских: Владимир Ильич (отец), Алек-

сандра, Вера, Ксения Александровна (мать), Николай

В Новой Деревне у бабушки с дедушкой свой дом был, и вообще они, как теперь говорят, были культурные цыгане.

Отец сам не пел, но страстно любил слушать! Поэтому и цыганку за себя взял. Проклясть-то отца дед проклинал, но жили мы, сколько себя помню, в его доме. Отец часто меня катал в автомобиле дедушки «Бенц», так что наследства он отца не лишил. А умер дед еще до моего рождения. Наследство, хоть и не миллионное, нам досталось приличное. До самой революции мы довольно хорошо жили, а ведь у отца с матерью кроме меня еще четверо было – моих младших сестер. Вот интересно было бы на наш, козинский дом сегодня взглянуть, он стоит на улице Братьев Васильевых. Ведь я в Ленинграде последний раз был аж в 1938-м! Воспитание мое началось с уроков Клавдии Владимировны Лукашевич, нашей домашней воспитательницы, известной в свое время писательницы, автора популярной повести «Мое милое детство». Не знаю, как она попала в наш дом, но помню удивительную ее доброту к нам, детям. От нее мне передалась страсть к чтению. Судьба Клавдии Владимировны трагична – в 1937 году она погибла в застенках НКВД. Музыка, песни буквально жили в нашем доме. Мой крестный отец Башкирцев работал председателем знаменитой фирмы «Зонофон» в России. Он нам подарил большой фирменный граммофон с заводом на двадцать четыре пластинки и всегда приносил

новые записи. Мы их постоянно слушали и вскоре выучивали наизусть.

Алексей Гаврилович Козин, отец (1880–1922)

Вспоминаю, как, ставя пластинку Вяльцевой, я влезал на стул и орал в трубу, стараясь перекричать «несравненную»! Вот так и «учился» петь. Музыка меня пытался учить отец, нанял учительницу, но, когда дело дошло до гамм, я забастовал. Нотную грамоту до сих пор толком не знаю, с трудом записываю и разбираю ноты. Но инструментом владею, как-то само собой получилось, что научился. Ну, а потом была богатая практика, когда тапером в кинотеатрах работал.

Дом деда В. А. Козина – Гавриила Васильевича, Петербург, Малая Посадская, 20

Первые цыганские песни я узнал от бабушки Ксении Александровны Маштаковой, певицы цыганского хора, и от мамы – Веры Владимировны Ильинской. Как сейчас помню, молодая красивая мама перебирает струны палисандровой гитары и напевает: «Люблю я цветы полевые». Этот мотив потом украли авторы знаменитого «Синего платочка»². Мама и бабушка пели не только цыганские, но и русские песни, старинные романсы. Так что я певец как минимум в третьем поколении.

² В действительности вальс «Синий платочек» был написан в 1939 году Е. Петербургским (ред.).

Юрий Морфесси – кумир детства В. Козина. Одесса, начало XX века

А вы знаете, в доме у дедушки был телефон! А телефон был тогда не менее редок, чем автомобиль. Так что дедушка был купцом весьма современным по тогдашним временам.

А вообще семейство было пестрым. Были и вовсе неграмотные, а вот моя тетка, все – и взрослые, и дети – ее почему-то Дашуткой называли, так она Смольный институт окончила, оккультными науками занималась. Смешной случай помню. Как-то вспыхнул абажур на теткинм столике, кажется, я же его и поджег случайно. Пожар быстро потушили, бед он никаких особых не наделал, но шуму было много. Так бабушка моя неграмотная после этого говорила: «Это Дашутка домандрагорилась...» Помню, как в церковь ходили. По воскресеньям – обязательно. Иногда всей семьей, но чаще – с мамой. Отец не очень религиозный был, но очень строгий, хотя и не лишенный юмора. Помню, как он шутиливо-строго отчитывал тетю Настю Вяльцеву за ее знаменитую песню «Гай-да тройка, снег пушистый...» Он спрашивал: «Ну, объясни мне, что это значит: “Мчится парочка вдвоем”? Что же, можно и втроем, и вчетвером “парочке” мчаться?» «Несравненная» шутя оправдывалась, а отец продолжал притворно сердиться... Видите, какие глупости помню? А между прочим, эти «глупости» мне в самые трудим с минуты жизни помогали...

Или вот кумир моего детства – Юрий Морфесси. Он приходил к нам, красивый, душистый, щедрый на гостинцы и ласку, сажал меня на колени, гладил по головке и шутил: «Вот растет моя смена!» Разве такое забудешь?! Вот, кстати у меня пластинка редкая, английская. Это Юрий Спиридонович уже в эмиграции записал... (Под потрескивание старой пластинки зазвучал мягкий, густой баритон «Слышен звон бубенцов издалика...») Аккомпанирует знаменитый в эмиграции русский оркестр под управлением князя Голицына. Да... Помню, был в Петербурге такой «Цыганский уголок» – не то ресторанчик, не то богадельня для артистов цыганских хоров. Старые цыганки давали ручку целовать, по головке гладили... Такие там романы разыгрывались! Вот, скажем, знаменитая Ляля Черная³. Она же дочь князя Голицына! А еще там были старухи княгини Оболенская, Голицына. Князья совершенно официально женились на цыганках, из-за этого приходилось карьерой жертвовать, из гвардии уходить. Но цыганское счастье недолгое! Мужья-офицеры поудирали за границу, а жен с детьми побросали...

Да, есть что вспомнить! Вот знаете романс «Уж гасли в комнатах огни»? Так вот, слова написал великий князь Константин Романов, брат Александра Третьего! Он вообще был страстный меломан, очень любил Чайковского.

³ Ляля Черная (псевдоним Надежды Киселевой, 1909–1982) – знаменитая цыганская певица, происходила из дворянской семьи, но в родстве с Голицыными не была (*ред*).

Есть еще несколько романсов на его слова. Но он никогда не подписывал их, естественно. На старых пластинках стоят инициалы К. Р. Помню рассказы бабушки по материнской линии, певицы цыганского хора. «Знаешь, почему мы Ильинские?» – спрашивала она. И рассказывала семейное предание. Наш род, пока не осел, тоже, естественно, кочевал в кибитках. Цыгане вообще, как и всякий кочующий люд, считают своим покровителем Илью-пророка. Так вот, во время кочевий они нередко терпели бедствие от разгула стихии. И только кибитки моих предков божественный огонь обошел стороной. «Ну, это понятно, – говорили цыгане, – они же Ильинские», – намекая таким образом на особое покровительство пророка моим сородичам. Так и стал наш род Ильинскими...

А однажды, когда я чем-то сильно болел и лежал в детской весь укутанный, входит красивая женщина в сопровождении генерала. Что-то ласковое мне говорят, чем-то вкусным кормят-угощают... Это были знаменитая певица Надежда Васильевна Плевицкая со своим мужем генералом Скоблиным...⁴

⁴ В. А. Козин путает или сочиняет очередную легенду: Н. В. Плевицкая стала женой генерала Скоблина только в 1921 году, в эмиграции. Они обвенчались на турецком острове Галлиполи. В момент описываемых событий Плевицкая и Скоблин даже не были знакомы (*ред.*).

Дети Козины: Наталия (Надежда), Вадим, Муза (на руках у няни). 1910

Все мы вышли из детства – как точно сказано! Вот, скажем, не видел я живого Шаляпина, но зато слушал новенькие, только что из-под пресса, пластинки с его голосом. И решил: «Буду петь точно так же!» Детская глупость? А я до сих пор мечтаю так спеть и всю жизнь к этому стремился. Может, потому у меня кое-что и получилось, что я с самого детства, всю жизнь стремился и стремлюсь к великому образу, к идеалу. Скажете: впал старик в детство, а я вам от-

вечу, что я и не выходил из него! Все было – и огонь, и воды, и медные трубы, и еще кое-что, только мне одному ведомое. А умирать буду – детство вспомню...

В 1922 году умер отец, и на мои плечи легла забота о маме и сестрах. Едва окончив школу, устроился работать грузчиком в порт, а по вечерам озвучивал немые фильмы, играя за кулисами в кинотеатре. Вот это была практика! Приходилось по несколько часов подряд непрерывно наигрывать разные танго, фокстроты, попури. К концу сеанса болела спина, немели пальцы. Каким-то образом я еще выкраивал время на посещение кружка художественной самодеятельности ленинградского Монетного двора. На улице Правды, в помещении бывшей церкви был оборудован рабочий клуб, где мы, кружковцы, часто выступали перед рабочими. Это первые мои публичные выступления. Потом я поступил в комический хор Чарова, был простым хористом, но мне иногда давали играть маленькие роли. Помню, даже как-то удостоился играть роль великого князя. Хе-хе, «удостоился»! Наверное, за маленький рост – ведь тогда к князьям-то отношение было соответствующее.

Тут нельзя не вспомнить и мою неудавшуюся морскую карьеру. После школы, в 1923 году, мы с приятелем поступили в военно-морское училище. Но очень скоро выяснилось, что происхождение мое отнюдь не пролетарское, и меня с треском выперли. Так и не стал я морским волком, а море любил всю жизнь. У меня много песен, я часто на судах выступал,

даже здесь, в Магадане. Вот мне моряки подарили значок – видите, в форме подводной лодки? Он мне очень дорог.

Тогда в кинотеатрах после сеансов бывали, как правило, дивертисменты, концерты с участием артистов разных жанров. И такое считалось весьма ответственным, ведь на сеанс собиралась масса публики! И вот как-то в сборном концерте заболела известная артистка. Тут-то, как в сказке, мне и предложили: «Давай, дескать, докажи, что ты умеешь петь!» А что петь? Вот и решился тогда спеть свою песню (а сочинял я всегда, сколько себя помню) на слова своего родственника поэта Придворова (псевдоним – Демьян Бедный. – **Прим, ред.**) – «Песню о стратостате». Публике понравилось, и моя судьба была решена!

Все мы тогда имели псевдонимы. Знаете, какой у меня был? Ни за что не догадаетесь! Вадим Холодный. Лихо? Да и какой я еще мог себе псевдоним выдумать, когда каждый день по несколько часов видел на экране Веру Холодную?! Конечно, как и все юноши, влюблен был в нее... Э, да что вспоминать! Кстати, если уж о родственниках заговорили, так я могу похвастаться и родством с Горьким. Если уж не прямым кровным родством, то свойством по крайней мере. Ведь Козины, Каширины, Ягодины – из волжских купеческих родов. Козины – мануфактура и галантерея. Каширины, как вы знаете, – красильщики. А Ягодины – у них были потрясающие сады, фруктовые и ягодные. Так они торговали вареньями и водами фруктовыми. В таких бутылочках

интересных, да я вам покажу, у меня где-то есть... И, конечно, роднились эти семьи. Тетя Дуня, сестра отца, я помню прекрасно, до самой смерти ворчала на него: «Вот, актерку в семью привел!» Так и не простила отцу, что на цыганке женился. А отец, получая двенадцать тысяч рублей золотом в год, посмеивался: «Всю семью содержу, имею право и с цыганкой жить!»

Начало пути (1924–1941)

♦ Вадим Козин:

Вы спрашиваете, когда я стал профессионалом? Да, пожалуй, в 1924 году. Я тогда выдержал конкурс и поступил в Ленпосредрабис. Как расшифровать? Ленинградское посредническое бюро работников искусств. Поступил певцом-вокалистом. Не хухры-мухры! Бюро устраивало нас, певцов, не имевших постоянного места работы. Где я пел? В кинотеатрах. «Колосс» – был такой кинотеатр, «Гигант», как сейчас помню. Вот названия-то какие были.

Вадим Козин с друзьями. Конец 1920-х

Я уж говорил о дивертисментах. Был такой исполнитель старинных русских романсов – Дмитрий Алексеевич Камчатов. Он меня «учил жить». «Вадик, – говорил он мне, – я постарше тебя, послушай меня. У тебя – голос! Но не рви себя! Оставляй чуть-чуть! Пусть публика, а публика – дура! – знает, что у тебя есть кое-что в запасе!»

Благодарен я Дмитрию Алексеевичу, у меня до сих пор в запасе кое-что есть! Шучу, конечно, а может, и не шучу!

Сколько себя помню, подражал Давыдову, Морфесси, Плевицкой, Каринской, Шаляпину, не удивляйтесь! – нет-

нет, не Собинову, он почему-то мне не нравился. Ну, вот и репертуар получился. Причем пел такие песни и романсы, которые мало кто исполнял. Здесь и бабушкин репертуар, и Вари Паниной (Васильевой), и, конечно, мамины песни! У меня есть цикл о маме, об этом после поговорим. Я даже пел совершенно забытые песни. Кроме меня, их никто больше не исполнял. Тогда это можно было. Ну, и слушала меня публика! Хотя бы «Пару гнедых»! Шутки шутками, а раз пять на бис вызывали!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.